УДК 94 (47).0722
94 (47).0723
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00026

Л. В. Выскочков

До междуцарствия. «Ангел» Александр и великий князь Николай Павлович (3 июля 1819 — 1 сентября 1825)[1]

3 июля 1819 г. в Императорской фамилии произошло событие, в корне изменившее отношения между братьями, которое привело к запуску механизма междуцарствия после кончины Александра I. Это был конфиденциальный разговор Александра I с великим князем Николаем Павловичем о судьбах престолонаследия. Разговор состоялся во время летних лагерей Гвардейского корпуса в Красном Селе после смотра 2-й бригады I Гвардейской пехотной дивизии, которой командовал Николай Павлович.

Николай Павлович и Александра Федоровна оставили воспоминания об этом памятном дне, не называя конкретной даты. Тогда Александр I, отметив «семейное блаженство» Николая, которого не знал ни он сам, ни их брат Константин, по воспоминаниям Николая I, заявил, что Константин «решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более, что они оба видят в вас знак благодати Божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство!»[2] Эмоциональное свидетельство оставила в своих записках Александра Федоровна: «Мы сидели словно окаменелые, широко раскрыв глаза, и не были в состоянии произнести ни слова»[3]. Николай Павлович тогда не вел дневник, но точную дату этого разговора можно установить, анализируя камер-фурьерский журнал за 1819 г. В июле в нем зафиксированы три инспекции войск Александра I в присутствии Николая

Павловича: 3, 8 и 11 июля, но только 3 июля три брата (Александр, Николай и Михаил) в 6 часов утра «вместе соизволили иметь выезд на Красносельское поле на учение маневр, — по учению оного Его Величество изволил быть у Его Высочества Великого князя Николая Павловича, а оттуда возвратился в квартиру своего пребывания»[4].

В то время Константин Павлович еще продолжал добиваться права на развод с Анной Федоровной, но к моменту памятного разговора у него явно была договоренность с Александром I. 20 марта 1820 г. последовал манифест. В нем говорилось, что супруга цесаревича еще в 1801 г., т.е. 19 лет назад, удалилась «в чужие края по крайне расстроенному состоянию Ея здоровья, как доныне к нему не возвращалась, так и впредь, по личному Ея объявлению, возвратиться в Россию не может»[5]. Фактически она бежала от грубого мужа. Как тогда говорили, супруги «разъехались». По просьбе Константина и по представлению Александра I, Святейший синод разрешил расторгнуть брак. Согласившись с этим решением, Александр I внес в манифест «дополнительное постановление об Императорской Фамилии»: «Если какое лицо из Императорской Фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответствующего достоинства, то есть, не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо Императорской Фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам Императорской Фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование Престола»[6]. 12 мая 1820 г. состоялось венчание Константина Павловича.

Не касаясь сейчас контактов Николая Павловича с цесаревичем, проследим его взаимоотношения с императором. Как командир бригады Николай Павлович участвовал в 1821 г. в походе Гвардейского корпуса в «Литовские губернии» и, после маневров при местечке Бешенковичи Витебской губернии (в 60 км от Витебска), остался там с войсками на зимних квартирах. В сентябре того же года Александр I наблюдал за маневрами и произвел смотр гвардии. Великие князья Николай и Михаил командовали своими бригадами. Царь остался доволен, но и только. Николай Павлович не получил продвижения по службе. Единственно, 5 ноября 1821 г. он был назначен шефом польского 1-го егерского полка, который входил в 3-ю бригаду I пехотной дивизии армии Царства Польского. То есть по этой должности он был сопричастен цесаревичу Константину Павловичу.

С 1822 по 1825 г. контакты Николая Павловича с Александром I можно проследить по дневникам Николая Павловича[7]. В начале 1822 г. происходит знаковое событие, когда интрига с престолонаследием получила свое продолжение. С 3 по 15 января Константин Павлович находился в Петербурге. В эти дни все четыре брата почти каждый день были по утрам на разводе караула. По дороге к дворцовому экзерциргаузу Николай Павлович предварительно заезжал в Мраморный дворец к брату, а затем вместе с Михаилом присутствовал на разводе, который принимал Александр I. Были и отдельные встречи с Кон-

стантином. 14 января Николай Павлович отметил, что вместе с женой посетил Константина в Мраморном дворце. Именно этим днем Константин Павлович датировал чистовой вариант официального письма Александру I, черновой вариант которого был предварительно рассмотрен и исправлен императором: «Всемилостивейший государь! <...> Не чувствуя в Себе ни дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению Моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после Меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение Нашего Государства. Сим могу Я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал я непринужденно и торжественно при случае развода Моего с первой моей женой»[8]. В заключение Константин Павлович обещал, «поступая в партикулярную жизнь», быть примером для верноподданных.

Дневник Николая Павловича фиксирует частые встречи братьев, но не раскрывает содержания разговоров, хотя именно в тот приезд цесаревича в Санкт-Петербург всё решилось. Когда младший брат Михаил Павлович прощался с цесаревичем, то Константин, уже садясь в сани, произнес известный монолог. В русском переводе он передается с небольшими разночтениями: «Помнишь мои слова в Варшаве! Сегодня вечером всё устроилось... Государь обещал составить обо всем этом особый акт и положить его к прочим, хранящимся на престоле в московском Успенском соборе; но акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для этого нужная пора»[9]. Цесаревич намеренно завел этот разговор с Михаилом Павловичем в надежде, что тот передаст его содержание Николаю и тем самым Константин «заранее хотел продемонстрировать ему свою лояльность и преданность»[10]. 2 февраля 1822 г. Александр I писал: «Любезнейший брат! <...> Нам обоим остается, уважив причины, Вами изъясненные, дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы он благословил последствия столь чистейших намерений»[11]. Пока всё это были личные письма, а не официальные документы.

В 1947 г. С. Б. Окунь высказал мнение, что отказ Константина не был добровольным, а был вызван давлением на него вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Александра I, которых беспокоили чистота и сохранение династии. Аналогичной точки зрения придерживается М. М. Сафонов и ряд других исследователей. В то же время Я. А. Гордин и С. В. Мироненко не сомневаются в добровольном отказе цесаревича. Т. В. Андреева объясняет этот акт как политическую сделку между Александром I, Марией Федоровной и цесаревичем Константином Павловичем, наметившуюся еще в 1801 г., которая должна была гарантировать династию от «вырождения»[12].

После письма Константина Павловича от 14 декабря 1822 г. был подготовлен манифест, в составлении которого в июле 1823 г. принял участие архиепископ московский Филарет. Однако перед отъездом в Москву Филарету

пришлось заехать в Царское Село, где на квартире А. Н. Голицына он вновь увидел свой текст, но уже после просмотра Александром I. Как отмечал Н. К. Шильдер, А. Н. Голицын был соавтором манифеста, и ему принадлежала последняя (четвертая) его редакция. Некоторые слова были подчеркнуты императором карандашом. Стараясь угадать смысл замечаний, архиепископ внес исправления. Этот документ и был подписан Александром I в Царском Селе 16 августа 1823 г. как манифест о добровольном отречении Константина Павловича от престола: «<...> с согласия августейшей родительницы нашей <...> мы определили: во-первых: свободному отречению первого брата нашего, цесаревича и великого князя Константина от права на всероссийский престол быть твердым и неизменным <...> Во-вторых, вследствие того, на точном основании акта о престолонаследии престола, наследником нашим быть второму брату нашему, великому князю Николаю Павловичу»[13]. Формулировки были более жесткими по сравнению с письмом Александра Константину от 2 февраля 1822 г.

Подготовленный манифест Александр I решил скрыть от общества. 25 августа император прибыл в Москву, а 27 августа А. А. Аракчеев вручил запечатанный экземпляр манифеста Филарету, которому 29 августа под наблюдением временщика удалось, не привлекая лишнего внимания, положить запечатанный пакет с манифестом и письмами за алтарем Успенского собора в специальный опечатанный ковчег. Догадаться, что в Успенском соборе может храниться манифест, непосвященным было невозможно: это была тайна для претендентов на престол, тайна для общества и тайна для возможных заговорщиков.

По предложению Филарета, император согласился на изготовление трех копий для Петербурга. Три запечатанных пакета с документами, скопированными рукой А. Н. Голицына, были доставлены для хранения в Государственный совет, Сенат и Синод 15 октября. В Москве тайну удалось сохранить, а в Петербурге осенью и зимой прошли невнятные слухи о каких-то запечатанных пакетах. О содержании документов, кроме архиепископа Филарета, знали Мария Федоровна, упомянутый князь А. Н. Голицын, граф А. А. Аракчеев, председатель Государственного совета князь П. В. Лопухин, историограф Н. М. Карамзин, который тщательно хранил тайну. Запечатанные печатью императора секретные пакеты с манифестом имели собственноручную надпись Александра I: «Хранить в Государственном совете (аналогично — в Успенском соборе, Сенате, Синоде. — *Л. В.*) до моего востребования, а в случае моей кончины, раскрыть, прежде всякого другого действия, в чрезвычайном собрании»[14]. Впрочем, неопубликованный манифест не имел силу закона, пока это был только проект манифеста. Александр I в любой момент мог потребовать их назад. Константин Павлович и Николай Павлович могли сколь угодно долго мучиться вопросом о судьбе престолонаследия. В монографии о декабристе М. С. Лунине, одном из доверенных лиц цесаревича, С. Б. Окунь пишет: «В то же время бесспорным представляется тот факт, что Александр, добившись отречения Константина,

получив его согласие, счел необходимым скрыть от цесаревича манифест о передаче престола Николаю»[15]. На самом деле, Константин, судя по всему, знал о существовании секретного манифеста от 16 августа 1823 г., но никогда не заводил об этом разговора с Николаем Павловичем.

15 февраля 1823 г. Константин прибыл в Санкт-Петербург и пробыл в столице до 2 марта. Николай Павлович встречался с ним ежедневно и, как правило, несколько раз в день. Это были утренние разводы караула, которые почти всегда принимал лично Александр I. После этого в Зимнем дворце следовали разборки. Николай Павлович приходил на все разводы и особенно трепетно отмечал реакцию императора на разводы батальонов его бригады. 17 марта был развод 2-го батальона л.-гв. Измайловского полка, а 18 февраля — 2-го батальона л.-гв. Егерского полка. «Ангел» (как называли в домашнем кругу Александра I и как назвал его в дневниках Николай Павлович) был доволен. В эти дни обедали в семейном кругу, когда присутствовали все четыре брата.

В 1824 г. Константин Павлович вновь приехал в С.-Петербург, также в феврале, пробыв в столице с 7 по 20 февраля. Центральным событием этого приезда была свадьба великого князя Михаила Павловича и Елены Павловны, состоявшаяся 8 февраля.

24 июля Николай Павлович, сопровождая отправляющуюся на лечение супругу Александру Федоровну, поднялся в Ораниенбауме на борт корабля «Эмгейтен». Оставив жену в Германии, он затем инспектировал крепости в Бобруйске и Динабурге. В Петербург он вернулся 12 ноября, увидев последствия ноябрьского наводнения. В дневнике Николая Павловича осталась запись: «<...> в городской коляске к Ангелу, ждал, принимает меня в рубашке, говорил, очень огорчен разгромом, ужасные подробности, 400 человек погибло, вода на площадях и на улицах в два с половиной аршина, на 11 футов выше нормального уровня»[16].

На протяжении последующих 18 дней встречи Николая Павловича с «Ангелом» были ежедневными. 29 ноября Николай Павлович попрощался с императором и отбыл вновь в Берлин. В столице Пруссии он 7 (19) декабря встретился с Александрой Федоровной. 9 (21) декабря Николай отписал «Ангелу», вероятно, сообщая о благополучном прибытии. 25 февраля (9 марта) 1825 г. Николай Павлович, сопровождая Александру Федоровну, подъехал к Петербургу. У Красного Кабачка (в пяти верстах от С.-Петербурга) пришла эстафета от Марии Федоровны. Она извещала, что «Ангел» встречает их в санях. Николай зафиксировал эту встречу: «<...> вышел из экипажа, приезжает, обнялись, он садится с женой, я в своих санях, обогнал их в городе и встретил Ангела и жену в дверях, на лестнице»[17]. Произошло это в шестом часу вечера на лестнице Аничкова дворца[18]. Такая вот семейная идиллия! Возможно, это было связано с семимесячным отсутствием Николая, но, может быть, были и другие причины. Николай опередил цесаревича всего на один день — Константин Павлович прибыл в столицу 26 февраля, где пробыл до 4 марта.

Вновь Николай Павлович не пропускает разводов караулов своих батальонов — саперов, егерей, измайловцев, которые проходили в экзерциргаузах Зимнего дворца и Михайловского замка, фиксирует в дневниках реакцию «Ангела» на эти разводы. «Ангел» иногда выражает особую благодарность брату и некоторым офицерам, а Николай Павлович, как правило, солдатам, записывая в дневнике «рубль, фунт и чарка», т.е. дополнительно на каждого рубль денег (один раз было два рубля), фунт мяса и чарка водки (иначе — порцион, равный 0,123 л). Своеобразным экзаменом воинской подготовки войск гвардии был традиционный парад на Марсовом поле. Обычно он проходил в мае, но в 1825 г., в связи с тем что императора не было, состоялся 20 июня. Николай Павлович после парада записал: «Ангел очень доволен, благодарил много раз»[19].

С именем великого князя Николая Павловича связано не только учреждение известного Инженерного училища в Михайловском замке, но и создание в 1823 г. школы подпрапорщиков для обучения молодых дворян после университетов и пансионов для выпуска их в полки гвардейской кавалерии. Этот сюжет был одной из тем бесед с Александром I. Характерна запись в дневнике от 5 августа 1825 г.: «<...> поехал с Ангелом в городской коляске в Чернышов дом[20], обошел, читал бумаги, касающиеся школы, отдает приказы Воинову[21] и мне насчет кавалерийской школы, потом поехал с ним, высадился у Зимнего дворца»[22]. Даже Александру Федоровну Николай Павлович свозил в школу на экскурсию[23].

Рутинная армейская служба всё больше тяготила великого князя. Только 1 марта в дневнике Николая Павловича появляется запись, что Александр I наконец-то повысил его по службе. Он записал: «<...> поехал в одноконных санях к Ангелу, ждал, вошел, говорил о делах и о назначении в дивизию, показал мне самородное золото из наших копей, великолепно»[24]. Назначение состоялось незадолго до этого, 27 февраля 1825 г. Николай Павлович был назначен начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии. Зная привязанность своего брата к подшефным частям, Александр I изменил распределение гвардейских полков по бригадам. Таким образом, в состав 2-й дивизии вошли 3-я бригада (измайловцы, павловцы, гвардейский саперный батальон) и 4-я бригада (егерцы и финляндцы). Но горький осадок за все эти годы остался в душе Николая Павловича, который всё менее смирялся со своей участью. Когда граф А. И. Рибопьер, находившийся в 1824–1826 гг. с миссией в Турции, представлялся после прибытия Николаю I, тот не скрыл своих чувств: «Что скажешь? <...> Ты оставил меня бригадным генералом, а видишь теперь императором»[25].

Насколько Николай Павлович был осведомлен о намерениях Александра I по вопросу престолонаследия? Мнение Н. Д. Чечулина и других исследователей о том, что Николаю Павловичу «не было ничего сообщено о существовании актов»[26], вызывает возражение, хотя сам Николай Павлович на публике старательно поддерживал эту версию. В общих чертах о существовании манифеста Николай Павлович знал — от Марии Федоровны, Михаила Павловича, сестры

Марии Павловны, принца Вильгельма Прусского, но не знал «официально». Для «законника» Николая это было важно. Возможно, он и поэтому отнекивался незнанием. Он одновременно знал (приватно) и не знал (формально). Кроме того, это не было окончательным решением императора.

Были осведомленные лица и за границей. Александр I сообщил о перемене в престолонаследии приезжавшему в Россию в октябре 1823 г. брату Александры Федоровны принцу Фридриху Вильгельму, который надолго остался в России, сопровождая императора в поездках. Не случайно в берлинском придворном календаре на 1824 г. Николай Павлович был назван наследником российского престола. Об этом узнал и принц Оранский (будущий голландский король Вильгельм II), побывавший в Петербурге весной 1825 г. Историк М. М. Сафонов делает акцент на сложных взаимоотношениях Александра I со своими братьями: «Пикантность ситуации состояла в том, что секретный пакет, в тайну которого были посвящены все заинтересованные лица, в любой момент мог быть востребован царем назад. Стоило Николаю сделать хоть малейший шаг, чтобы приблизить к себе престол, как трон был бы отодвинут от него»[27]. О чрезвычайной подозрительности Александра I свидетельствуют воспоминания Александры Федоровны[28]. Но более логично предположение Т. В. Андреевой, что после кончины болезненной Елизаветы Алексеевны император не исключал новый брак. Тогда в случае рождения сына мог появиться прямой законный наследник[29]. Можно представить, какой пыткой для Николая Павловича была эта неопределенность в грядущей судьбе.

Встречи Николая Павловича с «Ангелом» становились всё более частыми. В начале 1825 г. Николай Павлович был в отъезде, но 25 февраля он возвратился в столицу. В конце этого месяца братья встречались 4 дня подряд — с 25 по 28 февраля. Месяцем активных контактов был март — на протяжении 22 дней: с 1 по 4 марта ежедневно, 8 марта, с 10 по 13 марта, с 15 по 17 и с 22 по 31 марта ежедневно. 1 апреля Николай Павлович проводил Александра I в Варшаву на Сейм. Великий князь остался в Петербурге, часто навещая жену в Царском Селе, где 12 (24) июня родилась великая княжна Александра Николаевна. На следующий день вернулся из Польши Александр I, и в дневнике Николая Павловича в записи от 13 июня отмечена встреча в Царском Селе: «<...> говорили по-семейному с братьями и сестрами»[30].

Во второй половине июня контакты братьев происходили на протяжении 11 дней. 14 (26) июня Николай Павлович и Александр I встречались не менее четырех раз, в том числе на благодарственном молебне «Te deum за жену и малышку»[31]. В последующие два дня в Царском Селе братья встречались два раза в день. 17 (29) июня великий князь присутствовал на Марсовом поле. Это была репетиция парада, но Александра, судя по всему, не было. 18 (30) и 19 июня (1 июля) зафиксировано по одной встрече в день. 20 июня (2 июля) Александр I принимал парад гвардии на Марсовом поле. Николай записал в дневнике: «Ангел очень доволен, благодарил много раз за успехи Павловского

и Финляндского»[32]. И еще раз поблагодарил вечером в Царском Селе. На следующий день Николай Павлович из Царского Села отправился с войсками в летние лагеря в Красное Село, возвращаясь на ночь к жене в Царское. На второй день после прибытия Николая Павловича в Красное Село, 22 июня (4 июля), появилась запись в его дневнике: «<...> Ангел присылает за мной, вернулся, поднимается (подчеркнуто Николаем. — *Л. В.*) и садится в мое место у кровати, говорил»[33]. 23 июня (5 июля) «Ангел» присылал за великим князем. На следующий день вечером, Николай, вернулся в Царское Село, вероятно, в свои комнаты в Александровском дворце, где у него была своя «половина» (это подтверждает упоминание на следующий день об играх с мальчиками в «колоннаде»). Его ожидали подарки, которые тогда было принято преподносить накануне дня рождения. «Ангел присылает за мной, говорил, иду с ним к матушке в большой кабинет», — записал великий князь, имея в виду Екатерининский дворец[34]. Возможно, это был «Кабинет карельской березы» в личных комнатах Марии Федоровны.

Утром 25 июня (7 июля) Николай Павлович в парадном измайловском мундире пришел на утренний прием к императору в Царскосельский дворец в сопровождении сына Александра, который был в гусарском мундире. Вместе с царственным братом он присутствовал затем в церкви на обедне. Семейные разговоры продолжились во время семейного обеда: «Михаил с женой, Ангел и Имп[ератрица], идем обедать через спальню во 2-ю большую гостиную (вероятно, Голубая гостиная. — *Л. В.*), обедали, отобедали, вернулись в Большой кабинет, говорили»[35].

В июле встречи в Красном Селе и Царском Селе происходили на протяжении 12 дней: с 8 по 17 июля и с 21 по 25 июля. Император осматривал лагерь саперов и присутствовал на учениях, которые проводил великий князь, в частности на артиллерийских маневрах и испытаниях «минных флаконов»[36]. 9 (21) июля Николай принимал императора в своем доме и снова он «говорил»[37]. «Ангел» был доволен всеми действиями подопечных Николая Павловича. Несколько раз Александр I беседовал и с Александрой Федоровной. А 12 (24) июля в Павловске состоялось крещение Адини (Александры Николаевны), в связи с чем Мария Федоровна устроила прием и обед в Большой галерее (Галерея Гонзаго). Николай Павлович (а заодно и В. А. Жуковский) получили награды. Наиболее частыми контакты были в августе. Николай Павлович общался с «Ангелом» 18 дней: с 1 по 10 августа, с 14 по 16 августа, затем — 20, 25, 27, 29 и 30 августа.

Николай Павлович встречался с императором в 1825 г. на протяжении 69 дней, но так как обычно встречи происходили по несколько раз в день, то контактов и разговоров было намного больше. Следует иметь в виду, что в разъездах были и Александр I и Николай Павлович. Когда их не было, происходил обмен письмами. Николай Павлович писал «Ангелу» 23 января, 23 февраля, 20 апреля, 13 июня — в день приезда императора. В ответ получил письма

2 января и 13 мая, а 28 мая прибыл «курьер от Ангела с письмом для жены»[38]. Новости от императора Николай Павлович узнавал также от «Матушки».

Несомненно, тяжелым днем, особенно для Ангела, был памятный день цареубийства 11 марта. В 1822 г. Николай Павлович находился в дороге, но в последующие годы, 1823, 1824, 1825 гг. он фиксирует, как проводили этот траурный день, напоминающий об убийстве его отца Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. В этот день, 11 марта, в Зимнем дворце проходил большой выход, панихида и заупокойная служа по «Батюшке», а потом следовала поездка в Петропавловскую крепость к его могиле, где служба повторялась. В 1824 г., кроме того, перед службой в Малой церкви, Ангел позвал Николая в свой кабинет к военно-походному алтарю. Этот алтарь сопровождал императора его в путешествиях. В 1825 г. Николай Павлович перечислил членов Императорской фамилии, участвующих в церемонии, и записал в дневнике: «<...> и я с Михаилом в крепость по реке, у ворот Ангел, а в церкви Имп[ератрица] (Елизавета Алексеевна. — *Л. В.*), обыкновенная панихида, вернулись таким же образом»[39]. Камер-фурьерский журнал уточняет, что панихида «в угловой Готлисовой комнате»[40] началась в 25 минут 1-го часа, а вся служба с литургией продолжалась полтора часа. Выезд в Петропавловский собор состоялся в 25 минут 5-го часа, а Николай Павлович и Михаил Павлович находились во второй карете. В Петропавловском соборе, у гробницы, была также совершена панихида «по покойном и вечной славы достойным Государе императоре Павле Петровиче»[41].

Другой сферой контактов между Николаем Павловичем и Александром I были предложения великого князя по реформированию армии и более конкретные предложения по части военной униформы. Первые предложения «Ангел», как правило, отвергал, вторые — поддерживал. 12 марта 1823 г. Николай Павлович представил Александру I «Записку об уменьшении армии». На следующий день во время совместного обеда ее обсуждали[42]. Именно эту собственноручную записку Николай читал вслух 22 марта на заседании Военного комитета в присутствии А. А. Аракчеева[43]. Она сохранилась в фонде Николая I в ГА РФ и не совсем точно датирована в описи 1824–1825 гг. Дневник Николая Павловича позволяет уточнить датировку ее появления — это март 1823 г. Она была написана по-русски, хотя и несколько корявым слогом и содержала предложения по реформированию армии с целью уменьшить расходы на ее содержание. Записка свидетельствует о знании основ комплектования армии и военной статистики[44]. Проект принят не был, в том числе и потому, что он противоречил генеральной линии на создание военных поселений. В марте 1825 г. Николай представил Александру I «образцовых солдат» в штанах для гренадер, выполненных по его «модели» (реакция «Ангела» неизвестна) [45] и проект, о котором он записал: «<...> носить скатанную шинель в чехле поверх ранца, очень хорошо»[46]. Последнее предложение было одобрено.

В конце марта — апреле 1825 г. в записной книжке Николая Павловича появились свидетельства прогрессирующей болезни Александра I. Еще летом

1823 г., во время военного смотра под Брест-Литовском, император получил травму ноги от случайного удара копытом лошади одного польского офицера. В январе 1824 г. болезнь осложнилась воспалением ноги. Судя по всему, развилось рожистое воспаление, которое, казалось, вылечили. Но 30 марта 1825 г. Николай записал, что во время развода «Ангел не приходит из-за своей ноги»[47]. 31 апреля он отмечает «Ангел страдает от боли в ступне»[48]. Возможно, старое заболевание крови ослабило организм и способствовало сепсису во время последнего Крымского турне «Ангела»[49].

Красносельские лагеря в июне и июле 1825 г. были последними для Александра I. 19 июля Николай Павлович «разобрал свой лагерь» и с войсками отправился в Петербург[50]. Нужно было готовиться к Петергофскому празднику, который при жизни вдовствующей императрицы Марии Федоровны проходил 22 июля. В тот июльский день Николай Павлович четыре раза встречался с императором, который посетил также и Александру Федоровну. Празднества были продолжены на Каменном острове. Было известно, что осенью Александр I собирается в путешествие по России, на этот раз связанное и с поездкой Елизаветы Алексеевны для поправления ее здоровья. Именно поэтому во второй половине июля — начале августа 1825 г. в Императорской семье (в широком смысле слова) происходили постоянные взаимные встречи и переговоры. Эти встречи проходили в Царском Селе, но также и в Павловске, в Каменноостровском дворце Александра I, Елагиноостровском — Николая Павловича. Наиболее важными, судя по всему, были переговоры 31 июля, 4, 6, 7, 14, 16, 20, 25, 27 и 29 августа.

31 июля Александр I в комнате Александры Федоровны и в присутствии Николая Павловича беседовал с обоими супругами[51]. Затем, 4 августа, состоялись переговоры Николая и Михаила с Александром I в Каменноостровском дворце[52]. 6 августа, до обеда, в Царском Селе состоялась беседа между Николаем Павловичем, Марией Федоровной и Александром I. Николай пометил в дневнике: «Матушка очень грустна, наши жены вместе, все идут в Колоннаду обедать, отобедали, говорили». И добавляет сообщение о прибытии вечером из Павловска Марии Федоровны: «Матушка прибыла, недовольна, говорили»[53]. На следующий день стало известно о дате отъезда Александра I. Николай Павлович записал: «Ангел сказал нам, что Имп[ератрица] проведет зиму в Таганроге, едет тоже 1/13 сент[ября]»[54]. Время стремительно сокращалось, Николай проявлял всё больше инициативы. 14 августа он поехал для встречи с «Ангелом» на Каменный остров и снова «говорил». Он встречался с императором в этот день четырежды! Возможность не торопясь переговорить представилась вечером. В записной книжке Николая Павловича записано: «Отобедали, говорили сидя, пошел с Ангелом и женой к ней, говорили»[55]. Другими словами, для разговора уединились в комнатах Александры Федоровны. Через два дня, 16 августа, ситуация повторилась: «<...> у жены, Ангел, говорили»[56]. Естественно, разговор шел не о модели штанов для саперов. Обсуждались актуальные проблемы,

которые требовали быстрого решения. 20 августа Николай поехал в Царское Село, ждал, «говорил с Ангелом, потом поехал к Матушке в Павловск»[57]. 25 августа Николай Павлович вновь едет в Царское Село. Он беседовал с «Ангелом» и с Елизаветой Алексеевной, «потом вместе к Матушке <...> оттуда к Ангелу»[58], после чего состоялся совместный ужин.

Перед отъездом Александра I в Таганрог Николай Павлович вновь решился на откровенный разговор, чтобы объясниться со старшим братом по поводу престолонаследия. Ему нужна была ясность. Александр, по своему обыкновению, ушел от ответа. Весьма характерны дневниковые записи Николая Павловича от 27 августа 1825 г., через несколько дней после того, как почти все члены Императорской фамилии собрались в Царском селе, наносили друг другу визиты и вели беседы. В тот день Александра Федоровна посетила Марию Федоровну, а Николай Павлович — «Ангела». В записной книжке Николая Павловича осталась запись: «я к Ангелу, **он не может сделать того, что надо сделать**» (выделено мной. — *Л. В.*). В камер-фурьерском журнале зафиксировано: «В 45 минут 3-го часа к Их Величествам прибыли из Нового дворца (Александровского дворца. — *Л. В.*) Его Высочество Великий князь Николай Павлович с супругой. В 15 минут 4-го часа Их Величествы с Их Высочествами из внутренних своих апартаментов изволили пойти к Императрице Марии Федоровне во внутренние апартаменты, где находился и Великий Князь Михаил Павлович»[59].

После прогулки и любования Царским Селом со смотровой площадки Белой башни в Александровском саду в записной книжке Николая Павловича снова интригующие подробности: «<...> идем обедать к Ангелу, отобедали (в 4 часа. — *Л. В.*), вернулись к Матушке, говорили, Ангел и Имп[ератрица] (имеется в виду Елизавета Алексеевна. — *Л. В.*) уходят. **Матушка сделала нам сцену, слезы**» (выделено мной. — *Л. В.*)[60]. В 10 минут 11-го часа вечера Александр I в коляске «имел отъезд на Каменный остров».

О чем не удалось договориться, чем вызваны слезы Марии Федоровны? Скорее всего, речь шла о престолонаследии и необходимости оглашения секретного манифеста. Николай Павлович в своем мнении был не одинок. Известно, что накануне отъезда Александр I попросил А. Н. Голицына (одного из авторов манифеста 1823 г.) привести свои бумаги в порядок. Тогда-то Голицын обратил внимание на «неудобство», которое может возникнуть, «когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются на столь долгое время не обнародованными»[61]. Император, после минутного молчания, показал на небо и тихо сказал: «Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет всё устроить, нежели мы, слабые смертные»[62]. Действительно, старший брат просчитал всё, кроме неожиданной смерти в Таганроге.

В воспоминаниях Ольги Николаевны есть дополнительное свидетельство, которое до последнего времени трактовалась исследователями как ошибка в дате. Рассказывая (по семейным преданиям) о последних днях Александра I в Царском Селе, великая княжна сообщает: «Там же происходили

последние разговоры с Императором, в которых им впервые было упомянуто слово "отречение"»[63]. Ольга Николаевна не ошиблась и не перепутала год 1825 с 1819 г. Да, 3 июля 1819 г., как отмечалось, был разговор Александра I с Николаем Павловичем в присутствии Александры Федоровны. Но именно в конце августа 1825 г., наиболее драматично 27 августа, состоялись решающие семейные переговоры в присутствии всех основных заинтересованных лиц, в которых Николай Павлович выступил как активный участник переговоров о престолонаследии. Вероятно, он хотел всё равно какой, но определенности. До отъезда Александра I в его последний вояж в Таганрог оставалось 3 дня. 28 августа Александр I отбыл в столицу. На следующий день, 29 августа, Николай Павлович с Александрой Федоровной также отправились в Петербург на свой Елагин остров, соседний с Каменным.

В дневниковой записи от 29 августа Николай Павлович рассказывает, как прибыл к Александру I в Каменноостровский дворец с сообщением о своем приезде: «Ждал в генерал-адъютантской комнате, Ангел позвал меня, говорил» (выделено мной. — *Л. В.*)[64]. Возможно, это было продолжение разговора, начатого два дня назад. Эта встреча состоялась до часа пополудни, так как в час дня, как сообщает камер-фурьерский журнал, прибыл «Высокопреосвященный митрополит Серафим просить Государя Императора посетить завтрашний день, то есть, 30 августа, Александро-Невскую лавру и был принят Его Величеством в верхнем кабинете»[65]. Затем Александр I с Елизаветой Алексеевной отправился к «Матушке». За обеденным столом в Елагиноостровском дворце присутствовали великий князь Николай Павлович с Александрой Федоровной, а также принцесса Мария Вюртембергская[66]. После обеда Александр I пригласил Александру Федоровну на прогулку. Николай Павлович запишет: «...жена возвращается, объявляет мне, что Ангел покупает нам Знаменское или дарит нам Меньшиков дом» (бывший участок Меншикова в Петергофе, т. е. будущую дачу «Александрию». — *Л. В.*). Что это? Утешительный приз? После отъезда Александра I князю А. Н. Голицыну 4 ноября было дано поручение от «Ангела» «уладить всё, чтобы дать нам участок Меньшикова» (подчеркнуто Николаем. — *Л. В.*)[67].

Но это будет позже, а пока наступило 30 августа, день св. Александра Невского, праздник тезоименитства Александра I и великого князя Александра Николаевича. С утра Николай Павлович отправился в Зимний дворец на смену караула гвардейских саперов, потом поехал в Таврический дворец со своим адъютантом В. А. Перовским. Там встретился с женой. «Ангел, — пишет Николай, — берет меня с собой в Невскую (лавру. — *Л. В.*)»[68]. После большой службы и завтрака последовало возвращение в Таврический дворец. Отсюда Мария Федоровна, Николай Павлович с Александрой Федоровной и братом Михаилом в четырехместной карете направились в только что отстроенный Михайловский дворец. «Ангел в дверях, — отметил Николай Павлович, — с хлебом, солью и иконой»[69]. Состоялось освящение дворца и «обед в голубом салоне

посредине» (вероятно, Танцевальный, ныне Академический зал с голубыми коринфскими колоннами и фризом из голубого искусственного мрамора)[70]. Затем император покинул дворец. За ним последовали две императрицы — Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. Николай Павлович с женой уезжает в Аничков дворец, где переодевается в дорожный костюм и вдвоем с Михаилом Павловичем следует в Царское Село. В дорожной карете их сопровождает Александра Федоровна с «Варенькой» (В. П. Ушаковой). В Царском Селе простились, и в 9 часов вечера Николай Павлович с «Фламом» (В. Ф. Адлербергом) выехал в Динабург (Даугавпилс).

На следующий день, 1 сентября, Александр Павлович из Каменноостровского дворца рано утром также через Царское Село отправился в Таганрог. В камер-фурьерском журнале (в левой стороне листа по «главной половине») зафиксировано: «В 6 часов утра Государь Император с Каменного острова один в коляске изволил прибыть в Царское село. А оттуда в 15 минут 8-го часа Его Величество с Генерал-адъютантом бароном Дибичем в коляске соблаговолил отсутствовать в предпринявший путь в вояж по России в Таганрог»[71]. 3 сентября вслед за ним отправилась в путь и императрица Елизавета Алексеевна. Это отмечено и в камер-фурьерском журнале: «После фрыштика (завтрака, который обычно бывал в час дня. — *Л. В.*) Ея Величество Государыня Императрица Елизавета Алексеевна распростясь с Ея Величеством Государыней Императрицей Марией Федоровной и принцессой Виртембергской Марией соизволила потом в 40 минут 2 часа пополудни в последовании прибывших с Высочайшею особою из Царского Села вышеозначенных обоего пола персон, отсутствовать из города Гатчино в дальний путь»[72].

В связи с их отъездом прекратились записи в камер-фурьерском журнале. Во всех российских церквях продолжали провозглашать здравие императору Александру I и наследнику цесаревичу Константину Павловичу. Александр I сохранял свое право на рокировку братьев, или — надежду на желанного и законного сына? Междуцарствие приближалось...

[1] Статья написана по материалам доклада «До междуцарствия: Великий князь Николай Павлович и Александр I в 1825 г.» на международной конференции «Историческая память России и декабристы» 14.12.2015 г. (С.-Петербург). Проблема взаимоотношений между Александром I и великим князем Николаем Павловичем анализируется более подробно по сравнению с монографией автора: *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018.

[2] Записки Николая I (Тетрадь 2-я, 3-я, 4-я) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 317.

[3] *Александра Федоровна.* Воспоминания 1817–1820. Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 160.

[4] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 116. Журнал камер-фурьерской должности по Высочайшей половине Александра Павловича. 1819. Л. 253.
[5] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). 1-е собр. Т. XXXVII. № 28208. 1820, Марта 20. Манифест о расторжении брака великого князя Константина Павловича с великою княгинею Анною Федоровною, и о дополнительном постановлении об Императорской Фамилии. С. 128–129.
[6] Там же. С. 129.
[7] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой; пер. с франц.: Е. Э. Лямина, О. В. Эдельман; подг. текста, коммент., им. ук.: М. В. Сидорова, М. В. Силаева; геогр. ук.: А. А. Литвин, М. Н. Силаева. М., 2013.
[8] Грамота Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого князя Константина Павловича к покойному Государю Императору Александру I-му об отречении Его Высочества от наследия Престола // ПСЗРИ. 2-е собр. Т. I. № 1. 1825, 12 декабря. Манифест. О вступлении на престол Государя Императора Николая Павловича. Приложение к манифесту. С. 3–4.
[9] Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 220. См. также: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 131.
[10] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 539.
[11] Цит. по: *Чечулин Н.* [*Д.*]. Константин Павлович // Русский биографический словарь. [Т. 9]: Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. Стб 221.
[12] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 541.
[13] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Кн. 1. С. 595, 596.
[14] Цит. по: Там же. С. 136.
[15] *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. 2-е изд. Л., 1985. С. 80.
[16] Там же. С. 495. Плачевное состояние кораблей у Кронштадта после наводнения и выброшенный на песчаную банку «Эмнейтен» зафиксированы в дневнике от 29 июня (11 июля) 1825 г. (Там же. С. 599).
[17] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 533.
[18] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 156 об.; Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 533.
[19] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 594.
[20] Первоначально в казармах л.-гв. Измайловского полка (наб. Фонтанки, 120). С 1825 г. — в бывшем дворце графов Чернышевых (в районе дороги на Петергоф). В 1859 г. школа переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров, а в 1864 г. — в Николаевское кавалерийское училище, находившееся на Ново-Петергофском пр., д. 54 (ныне Лермонтовский).
[21] Воинов, Александр Львович (ок. 1770 — 1832), генерал от кавалерии (1823), командир Гвардейского корпуса (1824–1826).
[22] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 620.
[23] Там же. С. 637.
[24] Там же. С. 536.
[25] Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // РА. 1877. Кн. 21. № 5. С. 15.
[26] *Чечулин Н.* [*Д.*]. Константин Павлович. Стб 200.
[27] *Сафонов М. М.* Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166.
[28] *Александра Федоровна.* Воспоминания 1817–1820. С. 163.
[29] *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 546.
[30] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 591.
[31] Там же. С. 591. “Te Deum laudamus” («Тебя, Бога, хвалим»).
[32] Там же. С. 594.
[33] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 595.

[34] Там же.
[35] Там же. С. 597.
[36] В стеклянных флаконах внутри мины помещается взрывчатое вещество.
[37] Там же. С. 604.
[38] Там же. С. 583.
[39] Там же. С. 543.
[40] То есть «Шпалерной». «Готлисовые» кабинеты эпохи ампир были во многих дворцах, «готлисовый гарнитур» сохранился и в Зимнем дворце. Скорее всего, речь идет о бывшем кабинете Павла I в южной части Зимнего дворца (зал № 276) который представлял собой угловое помещение. См.: *Пашкова Т. Л.* Император Николай I и его семья в Зимнем дворце: В 2 ч. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. Ч. 1: 1796–1837. С. 172, 139.
[41] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 Л. 189 об., 191 об.
[42] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 204.
[43] Там же. С. 208.
[44] ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1184. Собственноручная записка великого князя Николая Павловича об уменьшении издержек на содержание войск. 1823, март.
[45] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 203.
[46] Там же. С. 546.
[47] Там же. С. 555.
[48] Там же. С. 566.
[49] *Андреева Т. В., Выскочков Л. В.* Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 255–267.
[50] Там же. С. 611.
[51] Там же. С. 617.
[52] Там же. С. 619.
[53] Там же. С. 620.
[54] Там же. С. 621.
[55] Там же. С. 625.
[56] Там же. С. 626.
[57] Там же. С. 672.
[58] Там же. С. 630.
[59] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 649 — 649 об.
[60] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 631.
[61] Цит. по: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 226.
[62] Там же.
[63] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император / Гл. ред. Д. Тевекелян. М., 2000. С. 177. В комментариях Н. И. Азаровой и Л. В. Гладковой этот разговор отнесен к 1819 г. (С. 573).
[64] Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. С. 632.
[65] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825. Л. 563.
[66] Там же. Л. 563 об. — 564.
[67] Записные книжки великого князя Николая Павловича. С. 661.
[68] Там же. С. 632.
[69] Там же. С. 633.
[70] Там же.
[71] РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129. Журнал Высочайшего двора. 1825 г. Л. 663.
[72] Там же. Л. 668.

References

ALEXANDRA FEDOROVNA. *Vospominaniya 1817–1820. Iz albomov imperatriczy Alexandry Fedorovny* [Memories 1817–1820. From the albums of Empress Alexandra Feodorovna. In Russ.] // Nikolaj I. Muzh. Otetc. Imperator. Moscow, 2000. P. 138–164.

ANDREEVA T. V., VYSKOCHOV L. V. *Utomlenie zhiznyu ili uhod: Alexsander I. 1825 god. Novye materialy* // [Tiredness of life or departure: Alexander I. (1825). New materials. In Russ.] // Peterburgskij istoricheskiy zhurnal: issledovanija po rossijskoj i vseobshchey istorii. 2016. N4. P. 255–267.

ANDREEVA T. V. *Tajnye obshchestva v Rossii v pervoii treti XIX v.: pravitel'stvenniaia politica i obshchestvennoe mnenie.* [Secret societies in Russia in the first third of the 19th century: government policy and public opinion. In Russ.]. St Petersburg, 2009.

KORF M. A. *Voschestvie na prestol imperatora Nicolaya I* [The accession to the throne of Emperor Nicholas I. In Russ.]. // 14 dekabrya 1825 goda i ego istolcovateli (Gerzen i Ogaroev protiv barona Korfa). Moscow, 1994. P. 207–314.

SAFONOV M. M. *Mezhdutsarstvie* [Interregnum. In Russ.] // Dom Romanovyh v istorii Rossii. St Petersburg, 1995. P. 166–181.

Son yunosti. Vospominaniya velikoii knyazhny Olgi Nikolaevny. 1825–1846 [The dream of youth. Memories of Grand Duchess Olga Nikolaevna. 1825–1846. In Russ.] // Nikolaj I. Muzh. Otetc. Imperator. Moscow, 2000. P. 174–329.

SHILDER N. K. *Imperator Nikolaii Pervyii. Ego zhizn' i tsarstvovanie.* [Emperor Nicholas I. His life and reign. In Russ.]. V 2 kn. Kn. 1. Moscow, 1997.

VYSKOCHOV L. V. *Nikolaii I i ego epokha. Ocherki istorii Rossii vtoroii chetverti XIX veka.* [Nicholas I and his era. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2018.

Zapiski Nikolaya I (Tetrad' 2-ya, 3-ya, 4-ya) [Notes of Nicholas I (Notebook 2nd, 3rd, 4th) In Russ.] // 14 dekabrya 1825 goda i ego istolkovateli (Gerzen i Ogaroev protiv barona Korfa). Moscow, 1994. P. 317–341.

Zapisnye knizhki velikogo knyazya Nikolaya Pavlovicha. 1822–1825. [Notebooks of Grand Duke Nikolai Pavlovich. 1822–1825 In Russ.] / Pod red. M. V. Sidorovoi, M. N. Silaevoi. Moscow, 2013.

Список литературы

Александра Федоровна. Воспоминания 1817–1820. Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 138–164.

Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

Андреева Т. В., Выскочков Л. В. Утомление жизнью или уход: Александр I. 1825 год. Новые материалы // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 255–267.

Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018.

Журнал камер-фурьерской должности по Высочайшей половине Александра Павловича. 1819 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 116.

Камер-фурьерский журнал 1825 года // РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 129.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I // 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 207–314.

Записки Николая I (Тетрадь 2-я, 3-я, 4-я) // 14 декабря 1825 года и его истолкователи. (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 317–341.

Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой. М., 2013.

Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. XXXVII. № 28208. 1820, Марта 20; 2-е собр. Т. I. № 1. 1825, 12 декабря.

Сафонов М. М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166–181.

Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 174–329.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997.

Л. В. Выскочков. До междуцарствия. «Ангел» Александр и великий князь Николай Павлович (3 июля 1819 – 1 сентября 1825)

Статья написана по материалам доклада «До междуцарствия: Великий князь Николай Павлович и Александр I в 1825 г.» на международной конференции «Историческая память России и декабристы» 14.12.2015 г. (С.-Петербург). В статье анализируются взаимоотношения великого князя Николая Павловича и Александра I в последние годы жизни императора, в период 1819–1825 гг. В основе источниковой базы – «Записные книжки» Николая Павловича 1822–1825 гг., камер-фурьерские журналы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) и воспоминания современников. Делается вывод о достаточно частых контактах братьев в этот период, которые, по крайней мере, внешне соблюдали семейный этикет. Приводится точная дата первого разговора Александра I с Николаем Павловичем о престолонаследии, состоявшемся в Красносельских лагерях 3 июля 1819 г. Косвенные намеки в дневниках Николая Павловича позволяют подтвердить мнение исследователей, что суть тайного Манифеста от 16 августа 1823 г. была известна в ближнем кругу Александра I. Об этом знали все его братья, императрица Мария Федоровна и великая княгиня Александра Федоровна. Судя по наиболее частым встречам и «разговорам» между членами Императорской фамилии накануне отъезда Александра I в Таганрог в период с 31 июля по 29 августа 1825 г., Николай Павлович тогда впервые был вынужден поставить вопрос о публикации Манифеста от 16 августа 1823 г. для придания ему силы закона. Но, как отметил великий князь в своем дневнике от 27 августа 1825 г., «Ангел» «не может сделать того, что надо сделать». Текст Манифеста остался лишь «заявлением о намерениях», ничего не было решено, что и послужило основной причиной междуцарствия.

Ключевые слова: династия Романовых, Александр I, Великий князь Николай Павлович (Николай I), междуцарствие, тайный Манифест, престолонаследие.

L. V. Vyskochkov. Before the Interregnum: "Angel" Alexander and Grand Prince Nikolai Pavlovich (Jule 3, 1819 – September 1, 1825)

The article is written on the materials of the report "Before the interregnum: Grand Prince Nikolai Pavlovich and Alexander I in 1825", at the International conference "Historical memory of Russia and the Decembrists" (14.12.2015, St. Petersburg). The article analyzes the relationship between Alexander I and Grand Prince Nicholas Pavlovich (Nicholas I) in the last years of the Emperor in 1819–1825. The source base of the article is "Notebooks" of Nicholas (1822–1825), memoirs of contemporaries and another unpublished archival sources – chamber-fourrier journals from the funds of Russian state historical archive (RGIA). The author makes conclusion about contacts of the brothers. He considers that their contacts were frequent in this period. They observed family etiquette at least outwardly. Besides the author established the exact date of the first conversation of Alexander I with Nikolai Pavlovich about the succession to the throne, which took place in the Krasnoselsky camps in the 3 of July in 1819. The article confirms the researcher's opinion about indirect hints in the diaries of Nicholas which allow to prove the essence of the secret Manifesto of August 16, 1823 and that it was known in the close circle of Alexander I. The Manifesto was known to all his brothers, the Empress Maria Feodorovna and Grand princess Alexandra Feodorovna as the most frequent meetings and "conversations" between members of the Imperial family on the eve of the departure of Alexander I in Taganrog show. At the first time in the period from 31 July to 29 August 1825 Nicholas forced to put the question of the publication of the Manifesto of August 16, 1823 to give it the force of law. But, as he noted in his diary of 27 August 1825, "Angel" "can't do what we need to do". The text of the Manifesto was only "statement of intent", nothing has been resolved and that became the main reason for the Interregnum.

Key words: Romanov dynasty, Alexander I, Grand Prince Nicholas Pavlovich (Nicholas I), Interregnum, the secret Manifesto, succession to the throne.

Выскочков, Леонид Владимирович – д. и. н., профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории СПбГУ.

Vyskochkov, Leonid Vladimirovich – Full Doctor of History, Professor of the Department of Russian History from ancient times to the 20th century, Institute of History of the St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: l.vyskochkov@spbu.ru